

Сирены Титана

Автор:

[Курт Воннегут](#)

Сирены Титана

Курт Воннегут

Эксклюзивная классика (АСТ)

А есть ли жизнь на Марсе? Да, есть – в фантастическом романе «Сирены Титана» Курта Воннегута читатель сможет побывать не только на Марсе, но и на Меркурии и Титане вместе с главным героем – богатым американцем, прожигателем жизни Малаки Константом.

На Марсе Малаки переродится в Дядька, потеряет память, лишится всего и будет выполнять приказы людей, встроивших в его мозг чип, причиняющий герою нестерпимую боль при любом отказе следовать распоряжениям начальства.

Вас ждет совершенно невероятный сюжет, увлекательные космические путешествия, а вместе с тем сложные философские размышления, пересмотр моральных, религиозных и эстетических ценностей, попытка найти смысл жизни.

Курт Воннегут

Сирены Титана

Kurt Vonnegut

The Sirens of Titan e-book

Публикуется с разрешения Kurt Vonnegut LLC и литературного агентства The Wylie Agency (UK) LTD. Copyright © 1959, Kurt Vonnegut, Jr. Copyright renewed © 1987 by Kurt Vonnegut, Jr. All rights reserved

© Перевод. М. Ковалева, наследники, 2014

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

* * *

Алексу Воннегуту, доверенному лицу, с любовью.

С каждым часом Солнечная система приближается на сорок три тысячи миль к шаровидному скоплению М13 в созвездии Геркулеса – и все же находятся недоумки, которые упорно отрицают прогресс.

Рэнсом К. Фэрн

Все действующие лица, места и события в этой книге – подлинные. Некоторые высказывания и мысли по необходимости сочинены автором. Ни одно из имен не изменено ради того, чтобы оградить невиновных, ибо Господь Бог хранит невинных по долгу своей небесной службы.

Глава первая. Между вредом и вретисцем

Мне кажется, что кто-то там, наверху, хорошо ко мне относится.

Малаки Констант

Теперь-то всякий знает, как отыскать смысл жизни внутри самого себя.

Но было время, когда человечество еще не сподобилось такого счастья. Меньше сотни лет назад мужчины и женщины еще не умели запросто разбираться в головоломках, спрятанных в глубине человеческих душ.

Дешевые поделки-религии плодились и процветали.

Человечество, не ведая, что истина таится внутри каждого живого человека, вечно искало ответа вовне – вечно стремилось вдаль. В этом вечном стремлении вдаль человечество надеялось узнать, кто же в конце концов сотворил все сущее, и попутно – зачем он это все сотворил.

Человечество вечно забрасывало своих посланцев-пионеров как можно дальше, на край света. Наконец оно запустило их в космическое пространство – в лишенную цвета, вкуса и тяжести даль, в бесконечность.

Оно запустило их, как бросают камушки.

Эти несчастные пионеры нашли там то, чего было предостаточно на Земле: кошмар бессмыслицы, которой нет конца. Вот три трофея, которые дал нам космос, бесконечность вовне: ненужный героизм, дешевая комедия, бессмысленная смерть.

Мир вне нас наконец потерял свою выдуманную заманчивость.

Мир внутри нас – вот что предстояло познать.

Только душа человеческая осталась *terra incognita*[1 - Неведомая земля (лат.). – Здесь и далее примеч. пер.].

Так появились первые ростки доброты и мудрости. Какие же они были, люди стародавних времен, души которых оставались еще непознанными?

Перед вами истинная история из тех Кошмарных веков, которые приходится примерно (годом больше, годом меньше) на период между Второй мировой войной и Третьим Великим Кризисом.

Толпа гудела.

Толпа собралась в ожидании материализации. Человек и его пес должны материализоваться, возникнуть из ничего – поначалу они будут похожи на туманные облачка, но постепенно станут такими же плотными, как любой человек и любой пес из плоти и крови.

Но толпе не суждено было поглазеть на материализацию. Материализация была в высшей степени частным делом и происходила в частном владении, так что ни о каком приглашении полюбоваться всласть не могло быть и речи.

Материализация, как и современная, цивилизованная казнь через повешение, должна была происходить за высокими, глухими стенами, под строгой охраной. И толпа снаружи ничем не отличалась от тех толп, которые собирались за стенами тюрьмы в ожидании казни.

В толпе все знали, что видно ничего не будет, но каждый получал удовольствие, пробиваясь поближе, глаза на голую стену и воображая себе, что там творится. Таинство материализации, подобно таинству казни, как бы умножалось за стеной, превращалось в порнографическое зрелище – цветные слайды нечистого воображения – цветные слайды, которые толпа, как волшебный фонарь, проектировала на белый экран каменной стены.

Это было в городе Ньюпорте, Род-Айленд, США, Земля, Солнечная система, Млечный Путь. Это были стены поместья Румфордов.

За десять минут до назначенного времени материализации сотрудники полиции пустили слух, что материализация произошла досрочно, и что она произошла за пределами поместья, и что человека с собакой каждый может увидеть своими глазами в двух кварталах отсюда. Толпа с топотом повалила на перекресток, смотреть материализацию.

Толпа обожала чудеса.

За толпой не попевала женщина с зобом, весившая триста фунтов. У нее был еще яблочный леденец и шестилетняя девчушка. Девчушку она крепко держала

за руку и дергала ее туда-сюда, как шарик на резинке.

– Ванда Джун, – сказала она, – если ты не будешь себя хорошо вести, я тебя больше никогда в жизни не возьму на материализацию.

* * *

Материализация происходила в течение девяти лет, каждые пятьдесят девять дней. Ученейшие и достойнейшие мужи со всего света униженно молили о милости быть допущенными на материализацию. Но их всех, невзирая на лица, ждал категорический отказ. Отказ в неизменной форме, написанный от руки личным секретарем миссис Румфорд.

Миссис Уинстон Найлс Румфорд просит меня уведомить Вас о том, что она не в состоянии удовлетворить Вашу просьбу. Она уверена, что Вы поймете ее чувства: феномен, который Вы хотите наблюдать, – семейная трагедия, едва ли предназначенная для посторонних, какими бы благородными побуждениями ни была вызвана их любознательность.

Ни сама миссис Румфорд, ни ее слуги и помощники не отвечали ни на один из многих тысяч вопросов о материализации, которыми их засыпали. Миссис Румфорд считала, что она вправе давать миру лишь минимальное количество информации. И это исчезающе малое обязательство она считала выполненным, выпуская бюллетень через двадцать четыре часа после каждой материализации. Отчет никогда не превышал ста слов. Ее дворецкий помещал бюллетень в стеклянный ящик, прикрепленный к стене возле единственного входа в поместье.

Единственный вход в поместье был похож на дверцу из «Алисы в Стране Чудес» и находился в западной стене. Дверца была высотой всего в четыре с половиной фута. Она была железная и запиралась на автоматический замок.

Широкие ворота поместья были заложены кирпичом. Бюллетени, появлявшиеся на стеклянном ящике, были всегда одинаково скупы и отрывочны. Те сведения, которые в них сообщались, способны были нагнать тоску на любого человека, в

котором теплилась хоть искорка любопытства. В бюллетенях указывалось точное время, когда муж миссис Румфорд, Уинстон, и его пес Казак материализовались, и точное время, когда они дематериализовались. Самочувствие человека и собаки неизменно характеризовалось как ХОРОШЕЕ. Между строк можно было прочесть, что муж миссис Румфорд обладает способностью ясно видеть прошлое и будущее, но ни одного примера такого прозрения там не приводилось.

А толпу отвлекли обманном путем от стен поместья, чтобы очистить дорогу к железной дверце в западной стене для наемной закрытой машины. Стройный мужчина, одетый как денди начала века, вышел из машины и предъявил какую-то бумагу полисмену, охранявшему вход. Чтобы его не узнали, он был в темных очках и с фальшивой бородой.

Полисмен кивнул, и мужчина, достав ключ из кармана, сам отпер дверь, нырнул внутрь и с грохотом захлопнул ее за собой.

Лимузин отъехал.

Над низкой железной дверью висел плакатик: «Осторожно, злая собака!». Огненные блики заката играли на бритвенных лезвиях и осколках битого стекла, заделанных в бетон наверху высокой стены.

Человек, открывший дверцу собственным ключом, был первым, кого миссис Румфорд пригласила на материализацию. Но это был вовсе не великий ученый. Наоборот, он был недоучкой. Его вышвырнули из университета штата Виргиния в конце первого семестра. Это был Малаки Констант из Голливуда, Калифорния, – самый богатый американец и один из самых отчаянных прожигателей жизни.

«Осторожно, злая собака!» – предупреждал плакатик над железной дверцей. Но за дверцей у стены оказался только скелет собаки. Это был скелет громадного пса – мастифа. На нем болтался ошейник с шипами, прикрепленный к стене тяжелой цепью. Длинные клыки пса были сомкнуты. Его черепная коробка с парой челюстей представляла собой хитроумно сконструированную, безобидную действующую модель механизма, рвущего плоть. Челюсти защелкивались: крак! Вот здесь раньше были горящие глаза, здесь – настороженные уши, вот тут – чуткий нос, а тут – мозг хищника. Вон там и там были прикреплены приводные

ремни мышц, и они смыкали клыки в глубине живой плоти – вот так: крак!

Скелет был символом, бутафорией, был затравкой для разговора, подстроенной женщиной, которая почти ни с кем не разговаривала. Никакая собака не жила и не подыхала на посту у этой стены. Кости миссис Румфорд купила у ветеринара, их для нее отбелили, вылощили и скрепили проволокой. Этот скелет стоял в ряду многочисленных горьких и непонятных намеков миссис Румфорд на то, какую глупую и злую шутку сыграло с ней время и ее собственный муж.

Миссис Уинстон Найлс Румфорд стоила семнадцать миллионов долларов. Миссис Уинстон Найлс Румфорд занимала в обществе самое высокое место, какого можно достичь в Америке. Миссис Уинстон Найлс Румфорд была здорова, хороша собой и к тому же талантлива.

Она была талантливой поэтессой. Она опубликовала анонимно тоненькую книжечку стихов под странным названием «Между ВРЕДОМ и ВРЕТИЩЕМ». Книгу приняли довольно хорошо.

Название намекало на то, что все слова, находящиеся в карманных словариках между ВРЕДОМ и ВРЕТИЩЕМ, относятся к слову ВРЕМЯ.

При всем своем богатстве и одаренности, миссис Румфорд все же совершала странные поступки – например, сажала на цепь у стены собачий скелет, замуровывала въездные ворота, запускала прославленный классический парк в Новой Англии до состояния джунглей.

Мораль: деньги, положение в обществе, здоровье, красота и талант – это еще не все.

Малаки Констант, самый богатый американец, запер за собой дверцу из «Алисы в Стране Чудес». Он повесил свои темные очки и фальшивую бороду на плющ, покрывающий стену. Он быстро прошел мимо собачьего скелета, глядя на свои часы, работавшие на солнечной батарее. Через семь минут живой мастиф, Казак, материализуется и пустится рыскать по парку.

«Казак кусается, – написала миссис Румфорд в своем приглашении. – Поэтому прошу вас быть пунктуальным».

Констант улыбнулся – его рассмешила просьба быть пунктуальным. Быть пунктуальным буквально значит «существовать в одной точке», а употребляется также в значении «быть точным, появляться в точно назначенное время». Констант существовал в одной точке – и не мог вообразить, как можно существовать иначе.

А именно это ему и предстояло узнать, кроме всего прочего: как можно существовать иначе. Муж миссис Румфорд существовал иначе.

Уинстон Найлс Румфорд бросил свой личный космический корабль прямо в середину не отмеченного на картах хроно-синкластического инфундибулума, в двух днях полета от Марса. С ним был только его пес. И вот теперь Уинстон Найлс Румфорд и его пес Казак существуют в виде волнового феномена – очевидно, пульсируя по неправильной спирали, начинающейся на Солнце и кончающейся около звезды Бетельгейзе.

И орбита Земли вот-вот пересечется с этой спиралью.

Как ни пытайся объяснить покороче, что такое хроно-синкластический инфундибулум, обязательно вызовешь возмущение специалистов. Как бы то ни было, мне кажется, что лучшее из коротких объяснений принадлежит доктору Сирилу Холлу, оно помещено в четырнадцатом издании «Детской энциклопедии чудес и самоделок». С любезного разрешения издателей привожу эту статью полностью:

ХРОНО-СИНКЛАСТИЧЕСКИЙ ИНФУНДИБУЛУМ. – Представь себе, что твой папа – самый умный человек на Земле и знает ответы на все вопросы, и всегда и во всем прав, и может это доказать. А теперь представь себе другого малыша на какой-нибудь уютной планете за миллион световых лет от нашей Земли, и у этого малыша есть папа, который умнее всех на этой милой далекой планете. И он тоже знает все на свете и всегда во всем прав, как твой папа. Оба папы самые умные на свете и всегда во всем правы.

Но вот беда – если они когда-нибудь встретятся, начнется ужасный спор, потому что они ни в чем друг с другом не согласны! Конечно, ты можешь сказать, что твой папа прав, а папа другого малыша не прав, но ведь Вселенная – такое большое пространство! В ней достаточно места для множества людей, которые все правы и все же ни за что не согласятся друг с другом.

А оба папы правы и все же готовы спорить до драки – по той причине, что существует бесконечное множество возможностей быть правым. Однако есть во Вселенной такие места, где до каждого папы доходит наконец то, о чем говорит другой папа. В этих местах все разные правды соединяются так же ловко, как детали в электронных часах твоего папы. Такое место мы и называем «хроно-синкластический инфундибулум».

Судя по всему, в Солнечной системе не счесть таких хроно-синкластических инфундибулумов. Мы точно знаем, что в одно такое место можно попасть где-то между Землей и Марсом. Мы это знаем потому, что земной человек с земной собакой угодили прямо в него.

Ты, наверное, подумал, что было бы неплохо попасть в хроно-синкластический инфундибулум и увидеть все многочисленные возможности быть абсолютно правым, но, к сожалению, это очень опасно. Этого несчастного вместе с его собакой раздробило и рассеяло вдаль и вширь – не только в пространстве, но и во времени.

Хроно значит «время». Синкластический значит «изогнутый в одну и ту же сторону во всех направлениях», наподобие шкурки апельсина. Инфундибулум – так древние римляне, например Юлий Цезарь или Нерон, называли воронку. Если ты никогда не видел воронки, попроси свою маму, она тебе покажет.

Ключ к дверце из «Алисы в Стране Чудес» был прислан вместе с приглашением. Малаки Констант сунул ключ в отороченный мехом карман своих брюк и пошел по единственной тропе, которая перед ним открывалась. Он шел в густой тени, но скользящие лучи закатного солнца высвечивали верхушки деревьев, как на картинах Максвелла Парриша.

Констант небрежно помахивал письмом с приглашением, ожидая, что его вот-вот остановят. Приглашение было написано фиолетовыми чернилами. Миссис

Румфорд было всего тридцать четыре, но она писала, как старуха, – вычурным почерком с острыми завитушками. Она явно презирала Константа, хотя никогда его не видела. Тон приглашения был, мягко выражаясь, брезгливый, словно оно писалось на несвежем носовом платке.

«В последний раз, когда мой муж материализовался, – писала она в приглашении, – он настаивал на том, чтобы вы присутствовали на следующей материализации. Мне не удалось отговорить его, хотя это крайне неудобно по множеству причин. Он настаивает на том, что прекрасно с вами знаком и что вы встречались на Титане, – насколько я поняла, это спутник планеты Сатурн».

Почти в каждой фразе приглашения было слово «настаивает». Муж миссис Румфорд настаивал на чем-то, что она была вынуждена сделать против своей воли, и она, в свою очередь, настаивала на том, чтобы Малаки Констант вел себя как можно лучше, как подобает джентльмену, хотя он явно не джентльмен.

На Титане Малаки Констант никогда не бывал. Насколько это было ему известно, он ни разу в жизни не покидал атмосферу, окружающую его родную планету, Землю. Очевидно, ему предстояло убедиться в обратном.

Тропа прихотливо извивалась, так что предел видимости был ограничен. Констант шел по сырой зеленой тропке, не шире валика для стрижки газона – это и был след от машины для стрижки газона. По обе стороны тропинки стеной стояли зеленые джунгли, заполонившие регулярный парк.

След машинки для стрижки газона огибал безводный фонтан. В этом месте человек с машинкой для стрижки газона проявил изобретательность и сделал развилку, так что посетитель мог сам решать, с какой стороны обходить фонтан. Констант остановился на перепутье, взглянул вверх. Фонтан тоже был чудом изобретательности. Он представлял собой конусообразную конструкцию из каменных чаш, диаметр которых все уменьшался. Все эти чаши были похожи на воротнички, нанизанные на цилиндрический стержень в сорок футов высотой.

Повинуясь внезапному побуждению, Констант не пошел ни вправо, ни влево, а полез прямо на фонтан. Он карабкался с чаши на чашу, намереваясь добраться до самого верха и поглядеть, откуда он пришел и куда идти дальше.

Вскарабкавшись в самую верхнюю, самую маленькую из вычурных чаш фонтана, попирая ногами птичьи гнезда, Малаки Констант увидел с высоты все поместье, большую часть Ньюпорта и Наррагансеттского залива. Он повернул свои часы к солнцу, чтобы они впивали свет свой насущный, – часы на солнечных батарейках жаждут света, как люди Земли – золота.

Свежий ветерок с моря тронул иссиня-черные волосы Константа. Он был хорош собой – сложен, как боксер полутяжелого веса, смуглый, с губами поэта и мечтательными карими глазами в глубокой тени кроманьонских надбровных дуг.

Ему был тридцать один год.

Он стоил три миллиарда долларов, по большей части полученных в наследство.

Его имя означало «надежный гонец».

Он занимался биржевыми спекуляциями, главным образом ценными бумагами.

В периоды депрессии, которые всегда настигали его после злоупотребления алкоголем, наркотиками или женщинами, Констант тосковал только об одном: чтобы ему поручили единственное послание, весть великую и важную, достойную того, чтобы он смиренно пронес ее от места до места.

Под гербом, который Констант сам изобрел для себя, стоял простой девиз: «Гонец всегда готов».

Очевидно, Констант имел в виду послание первостепенной важности от самого Господа Бога к столь же высокопоставленному лицу.

Констант снова взглянул на свои солнечные часы. На то, чтобы слезть с фонтана и дойти до дома, у него оставалось две минуты – через две минуты Казак материализуется и примется рвать всех чужих, какие ему попадутся. Констант рассмеялся, представив себе, как обрадуется миссис Румфорд, если вульгарный выскочка, мистер Констант из Голливуда, все отведенное для визита время просидит на верхушке фонтана, осаждаемый чистокровным мастифом. Может, миссис Румфорд даже прикажет пустить воду.

Вполне возможно, что она уже видит Константа – дом, окруженный стриженным газоном раза в три шире, чем тропинка, был всего в минуте ходьбы.

Особняк Румфордов был мраморный – раздутая копия банкетного павильона в Уайтхолле в Лондоне. Этот особняк, как большая часть богатых домов в Ньюпорте, был похож, как родной брат, на почтовые конторы и федеральные здания суда, разбросанные по всей стране.

Особняк Румфордов до смешного буквально воплощал образное выражение «люди с весом». Бесспорно, это было одно из грандиознейших воплощений увесистости – после пирамиды Хеопса. В своем роде он был даже более убедительным утверждением незыблемости, чем Великая пирамида: ведь Великая пирамида по мере приближения к небу сходит на нет. А в особняке Румфордов ни одна деталь не сходила на нет по мере приближения к небу. Переверни его вверх ногами – и он будет выглядеть точно так же, как раньше.

Увесистость и устойчивость особняка, безусловно, казалась явной насмешкой над тем, что сам бывший хозяин дома материализовывался всего на один час каждые пятьдесят девять дней, а в остальное время весил не больше лунного луча.

Констант слез с фонтана, ступая на ободки чаш, диаметр которых все увеличивался. Когда он добрался до самого низа, ему ужасно захотелось посмотреть, как фонтан действует. Он подумал о толпе за стенами, о том, как им, наверное, понравится, если фонтан заработает. Они прямо обалдеют, глядя, как малюсенькая чашечка на самой верхушке переполняется и вода стекает в другую маленькую чашечку... а из этой маленькой чашечки перетекает в следующую маленькую чашечку... а из следующей маленькой чашечки переливается в следующую маленькую чашечку... и дальше, и дальше: рапсодия переливов, где каждая чашечка поет свою радостную водяную песенку. А внизу, под всеми этими чашечками, разверстая пасть самой большой чаши... подлинный зев Вельзевула, пересохший, ненасытный... жаждущий, жаждущий, жаждущий первой, сладостной капли.

Констант впал в транс, вообразив, что фонтан действует. Фонтан превратился почти в галлюцинацию – а галлюцинации, обычно под действием наркотиков, – это было едва ли не единственное, что еще могло удивить и позабавить

Константа.

Время летело. Константин не двигался.

Где-то в саду раздался гулкий лай мастифа. Это мог быть только Казак, космический пес. Казак материализовался. Казак почуял чужака, выскочку.

Констант одним духом пролетел расстояние, отделявшее его от дома.

Дворецкий, глубокий старик в старомодных штанах до колен, открыл дверь Малаки Константу из Голливуда. Дворецкий плакал от радости. Он показывал в глубь комнаты, а что там, Малаки не было видно. Дворецкий старался объяснить, чему он так радуется, отчего заливается слезами. Говорить он не мог. Челюсть у него ходила ходуном, и он мог только бормотать: «Па-па-па-па-па».

Пол в вестибюле был выложен мозаикой, изображавшей золотое Солнце в окружении знаков Зодиака.

Уинстон Найлс Румфорд, материализовавшийся минуту назад, вышел в вестибюль и встал прямо на Солнце. Он был гораздо выше и сильнее Малаки Константа – и, собственно говоря, это был первый человек, при виде которого Малаки подумал, что кто-то может в самом деле дать ему сто очков вперед. Уинстон Найлс Румфорд протянул ему мягкую ладонь, поздоровался с ним запросто, почти пропел свои слова сочным тенором.

– Как я рад, как я рад, как я рад, мистер Константин, – пропел Румфорд. – Как мило, что вы пришли к наммммммммм-ммм!

– Это я рад, – сказал Константин.

– Мне говорили, что вы, очевидно, самый счастливый человек на свете.

– Пожалуй, немного сильно сказано, – сказал Константин.

– Но вы же не станете отрицать, что с деньгами вам всегда сказочно везло, – сказал Румфорд.

Констант покачал головой.

- Да нет. Чего уж тут отрицать, - сказал он.

- А почему вам такое счастье привалило, как вы считаете? - спросил Румфорд.

Констант пожал плечами.

- Кто его знает, - сказал он. - Может, кто-нибудь там, наверху, хорошо ко мне относится.

Румфорд поднял глаза к потолку.

- Какая прелестная мысль - думать, что вы пришли по душе кому-то там, наверху.

Пока шел этот разговор, рукопожатие все длилось, и Константу вдруг показалось, что его собственная рука стала маленькой, вроде когтистой лапки.

Ладонь Румфорда была мозолистая, но не загрубевшая местами, как у человека, обреченного до конца дней своих заниматься одним видом труда. Эта ладонь была покрыта изумительно гладкой и ровной мозолью, образованной тысячью разных приятных занятий, - ладонь деятельного представителя праздного класса.

Констант на минуту позабыл, что человек, чью руку он держит в своей, - просто некий аспект, временное сгущение волнового феномена, распыленного на всем пространстве от Солнца до Бетельгейзе. Но рукопожатие напомнило Константу, с чем он соприкоснулся: его руку покалывал слабый, едва ощутимый электрический ток.

Приглашение миссис Румфорд на материализацию нисколько не запугало Константа, он не обратил внимания на высокомерный тон, тушеваться перед ней он не собирался. Констант был мужчиной, а миссис Румфорд - женщиной, и Констант был уверен, что при первой же возможности докажет ей свое

несомненное превосходство.

А вот Уинстон Найлс Румфорд – тут дело другое, он куда сильнее во всем, что касается духа, пространства, положения в обществе, секса и даже электричества. Рукопожатие и улыбка Уинстона Найлса Румфорда разрушили самомнение Константа так же быстро и умело, как рабочие после карнавала разбирают карусель.

Констант, считавший себя достойным гонцом для самого Всемогущего Господа Бога, вдруг совершенно сник перед весьма ограниченным величием Румфорда. Констант лихорадочно искал в своей памяти доказательств своего собственного величия. Он рылся в своей памяти, как воришка, вытряхивающий чужой бумажник. Констант убедился, что память его битком набита мятыми, передержанными фотографиями всех женщин, с которыми он спал, неправдоподобными свидетельствами об участии в еще более невероятных предприятиях, удостоверениями, которые приписывали ему достоинства и добродетели, какие можно было найти только в трех миллиардах долларов. Там оказалась даже серебряная медаль на красной ленточке – награда за второе место в тройном прыжке на соревнованиях в закрытом помещении в университете штата Виргиния.

Улыбка Румфорда продолжала сиять.

Если продолжить сравнение с вором, который роется в чужом бумажнике: Констант вспорол даже швы в своей памяти в надежде обнаружить что-нибудь стоящее в секретном кармашке. Не было там никакого секретного кармана – и ничего стоящего. У Константа в руках остались только ошметки от памяти – распотрошенные, жеванные лоскутья.

Древний дворецкий, с обожанием глядя на Румфорда, корчился и извивался в приступе раболепия, напоминая уродливую старуху, пытающуюся позировать для изображения Мадонны.

– Мой хо-сяин, – умильно блеял он, – мой молодой хо-сяин!

– Кстати, я читаю ваши мысли, – сказал Румфорд.

– Правда? – робко отозвался Констант.

– Нет ничего легче, – сказал Румфорд. В глазах у него замелькали искорки. – Вы неплохой малый, знаете ли, – сказал он, – особенно когда забываете, кто вы такой.

Он легко коснулся руки Константа. Это был жест политика – вульгарный, рассчитанный на публику жест человека, который у себя дома, среди себе подобных, готов изворачиваться из всех сил, только бы до кого-нибудь не дотронуться.

– Если уж вам так необходимо на данном этапе наших отношений чувствовать себя хоть в чем-то выше меня, – сказал он ласково, – думайте вот о чем: вы можете делать детей, а я не могу.

Он повернулся к Константу широкой спиной и пошел впереди через анфиладу великолепных покоев.

В одном зале он остановился и заставил Константа любоваться громадной картиной, писанной маслом, на которой маленькая девочка держала в поводу белоснежного пони. На девочке были белая шляпка, белое накрахмаленное платьице, белые перчатки, белые носочки и белые туфельки.

Это была самая чистенькая, белоснежная, замороженная маленькая девочка из всех, кого Малаки Констант когда-либо видел. У нее на лице застыло странное выражение, и Констант решил, что она очень боится хоть чуточку замараться.

– Хорошая картина, – сказал Констант.

– Представляете себе, какой будет ужас, если она шлепнется в грязную лужу? – сказал Румфорд.

Констант неуверенно ухмыльнулся.

– Моя жена в детстве, – отрывисто пояснил Румфорд и вышел из комнаты впереди Константа.

Он повел гостя в темный коридор, а оттуда в крохотную комнатушку, не больше кладовки для щеток. Она была десяти футов в длину, шести в ширину, но потолок, как в остальных комнатах, был высотой в двадцать футов. Так что комната смахивала на трубу. Там стояли два кресла с подголовниками.

- Архитектурный курьез, - сказал Румфорд, закрывая дверь и глядя вверх, на потолок.

- Простите? - сказал Констант.

- Эта комната, - сказал Румфорд. Мягким движением правой руки он описал магическую спираль, словно показывая на невидимую винтовую лестницу. - Одна из немногих вещей, которых мне хотелось больше всего на свете, когда я был мальчишкой, - вот эта комнатка.

Он кивком указал на застекленные стеллажи, поднимавшиеся на шесть футов у стены, где было окно. Стеллажи были отлично сработаны. Над ними была прибита доска, выброшенная морем, а на ней голубой краской было написано: «МУЗЕЙ СКИПА».

Музей Скипа был музеем бранных останков - эн-доскелетов и экзоскелетов[2 - Имеются в виду скелеты животных (эндоскелеты) и раковины моллюсков и наружные «панцири» членистоногих (экзоскелеты).] - там были раковины, кораллы, кости, хрящи, панцири хитонов[3 - Хитоны - небольшие съедобные моллюски с панцирем из восьми налегающих друг на друга пластин.] - прах, огрызки, объедки давно отлетевших душ. Большинство экспонатов были из тех, которые ребенок - судя по всему, Скип - мог без труда собрать на пляжах или в лесах возле Ньюпорта. Среди них были и явно дорогие подарки мальчику, который серьезно интересовался биологией.

Главным экспонатом музея был полный скелет взрослого мужчины.

Там был также пустой панцирь броненосца, чучело дронта и длинный, закрученный винтом бивень нарвала, на который Скип в шутку прицепил этикетку «Рог Единорога».

- А кто это Скип? - спросил Констант.

- Это я, - сказал Румфорд. - То есть был я.

- Не знал, - сказал Констант.

- Семейное прозвище, понимаете ли, - сказал Румфорд.

- Угу, - сказал Констант.

Румфорд сел в одно из удобных кресел, жестом пригласил Константа занять другое.

- Ангелы, кстати, тоже не могут, - сказал Румфорд.

- Чего не могут? - спросил Констант.

- Делать детей, - ответил Румфорд. Он предложил Константу сигарету, сам взял другую и вставил ее в длинный костяной мундштук.

- Очень сожалею, что моя жена наотрез отказалась спуститься вниз и познакомиться с вами, - сказал он. - Это она не от вас прячется, а от меня.

- От вас? - сказал Констант.

- Именно, - сказал Румфорд. - После первой материализации она меня ни разу не видела. - Он невесело засмеялся. - С нее одного раза было достаточно.

- Я - простите, - сказал Констант, - я не понял.

- Ей не по вкусу мои предсказания, - сказал Румфорд. - То небольшое, что я ей сообщил о ее будущем, очень ее расстроило. Она больше ничего слышать не хочет.

Он откинулся в кресле и глубоко затынулся.

- Говорю вам, мистер Констант, - сказал он благодушно, - неблагодарное это дело - твердить людям, что мы живем в жестокой, суровой Вселенной.

– Она пишет, что вы заставили ее пригласить меня, – сказал Константин.

– Я ей передал через дворецкого, – сказал Румфорд. – Я просил ей сказать, что она ни за что вас не пригласит. А то бы она вас ни за что и не пригласила. Можете запомнить: единственный способ заставить ее что-то сделать – это сказать, что у нее на это не хватит духу. Разумеется, этот прием не всегда безотказно действует. Например, если бы я сейчас велел ей передать, что у нее не хватит духу заглянуть в свое будущее, она бы передала мне, что я совершенно прав.

– А вы – вы и вправду можете видеть будущее? – спросил Константин. Кожа у него на лице словно съежилась, ему казалось, что она усохла. Ладони у него были мокрые от пота.

– Если говорить точно – да, – сказал Румфорд. – Когда я загнал свой космический корабль в хроно-синкластический инфундибулум, меня мгновенно озарило сознание, что все когда-либо бывшее пребудет вечно, а все, что будет, существовало испокон веков. – Он снова посмеялся немного. – Когда это знаешь, в предсказаниях ничего завлекательного не остается, – дело простое, житейское, проще не придумаешь.

– Вы сказали своей жене все, что с ней должно случиться? – спросил Константин. Вопрос был задан походя. Константу не было никакого дела до того, что случится с женой Румфорда. Ему не терпелось узнать о собственном будущем. Но прямо спросить он постеснялся, поэтому спросил про жену Румфорда.

– Да нет, не все, – ответил Румфорд. – Она не дала мне рассказать все. Та малость, которую она успела услышать, начисто отбила у нее желание слушать дальше.

– Да-да, понимаю, – сказал Константин, хотя ничего не понял.

– Например, – добродушно сказал Румфорд, – я ей сказал, что вы с ней поженитесь на Марсе. – Он пожал плечами. – Не то чтобы поженитесь, – добавил он. – Просто марсиане подберут вас в пару друг другу, как подбирают племенной скот.

Уинстон Найлс Румфорд был представителем единственного подлинно американского класса. Это был подлинный класс, потому что он был четко ограничен в течение по меньшей мере двух столетий, и эти границы отчетливо видны любому, кто что-нибудь смыслит в определениях. Из небольшого класса, к которому принадлежал Румфорд, вышла десятая часть американских президентов, четверть путешественников-первопроходцев, треть губернаторов восточного побережья, половина ученых-орнитологов, три четверти великих американских яхтсменов и практически все жертвователи средств на содержание Гранд-опера. В этом классе отмечается поразительное отсутствие шарлатанов, если не считать шарлатанов политических. Но политическое шарлатанство было всего лишь средством для завоевания важных постов – и никогда не касалось частной жизни. Добившись поста, представители этого класса, почти без исключения, становились на редкость честными и надежными людьми.

И если Румфорд ставил в вину марсианам то, что они разводили людей, как разводят породистый скот, то ведь он обвинял их в том, что практиковал его собственный класс. Сила его класса в известной степени объяснялась разумными финансовыми операциями – но она куда больше зависела от браков, заключенных с циничным расчетом на то, какие дети от этого получатся.

Здоровые, обаятельные, умные дети – вот к чему они все стремились.

Самый компетентный, хотя и невеселый анализ класса, к которому принадлежал Румфорд, дан, несомненно, в книге Уолтема Киттриджа «Волхвы американского философа». Киттридж доказал, что класс, по сути дела, – большая семья, где все свободные концы подтягивают обратно к крепкому ядру кровного родства, аккуратно наматывают на общий клубок посредством родственных браков. Румфорд и его жена, к примеру, были троюродные брат и сестра и терпеть друг друга не могли.

И когда Киттридж дал графическое изображение класса Румфорда, оно оказалось разительно похожим на жесткий, похожий на тугой клубок, узел, называемый «мартышкин кулачок».

Уолтем Киттридж много напутал в своей книге «Волхвы американского философа», тщетно пытаясь выразить дух румфордского класса в словах. Как любой другой преподаватель колледжа, Киттридж норовил выискать как можно

более замысловатые и длинные слова, а когда не находил подходящих слов, сам сочинял сложные и непере译имые ученые термины.

Из всего высосанного из пальца киттриджского жаргона общеупотребительным стал только один термин. Он звучал так: НЕ-НЕВРОТИЧЕСКАЯ ХРАБРОСТЬ.

Именно храбрость этого рода заставила Уинстона Найлса Румфорда отправиться в космос. Это была храбрость в чистом виде – не только не связанная с жаждой славы или денег, но и без малейшей примеси побуждений, которые толкают вперед неудачника или сумасброда.

Кстати сказать, есть два самых обыкновенных слова, любое из которых может прекрасно заменить всю киттриджскую заумь. Вот эти слова: СТИЛЬ и ДОБЛЕСТЬ.

Когда Румфорд стал первым частным владельцем космического корабля и выложил за это пятьдесят восемь миллионов долларов из собственного кармана – это был стиль.

Когда все правительства земных государств прекратили космические запуски из-за хроно-синкластических инфундибулумов, а Румфорд заявил во всеуслышание, что отправляется на Марс, – это был стиль.

Когда Румфорд объявил, что берет с собой громадного злющего пса, как будто космический корабль – просто усовершенствованная спортивная машина, а путешествие на Марс – не больше чем прогулочка по коннектикутской автомагистрали, – это был стиль.

Когда никто не знал, что произойдет с космическим кораблем, если он попадет в хроно-синкластический инфундибулум, а Румфорд без оглядки швырнул свой корабль прямо в центр воронки – это была уже доблесть, без дураков.

Попробуем сравнить для контраста Малаки Константа из Голливуда и Уинстона Найлса Румфорда из Ньюпорта и Вечности.

Во всем, что бы ни делал Румфорд, был СТИЛЬ, и все человечество от этого выигрывало и казалось лучше.

А Малаки Констант всегда вел себя, как СТИЛЯГА – агрессивный, крикливый, ребячливый, расточительный, – что не делало чести ни ему самому, ни роду человеческому.

Константа так и распирали храбрость – только не-невротической ее не назовешь. Если он когда-нибудь проявлял храбрость, то чаще всего кому-то назло или потому, что с детства ему вбили в голову: трусят одни слабаки.

Когда Констант услышал от Румфорда, что ему предстоит быть спаренным с женой Румфорда на Марсе, он не мог смотреть в глаза Румфорду и перевел взгляд на стеллажи с бренными останками, занимавшие одну из стен. Констант крепко сцепил пальцы, чтобы унять дрожь.

Констант несколько раз откашлялся. Потом он тоненько засвистел, прижав кончик языка к нёбу. Короче говоря, он вел себя, как человек, который старается перетерпеть острую боль, пока не полегчает. Он закрыл глаза и втянул воздух сквозь стиснутые зубы.

– О-ла-ла, мистер Румфорд, – сказал он негромко. – Значит, на Марс?

– На Марс, – сказал Румфорд. – Разумеется, это не конечный пункт назначения. И не Меркурий.

– Меркурий? – повторил Констант. Это красивое имя прозвучало, как неблагозвучное карканье.

– Конечный пункт назначения – Титан, – пояснил Румфорд. – Но сначала вы побываете на Марсе, на Меркурии и еще раз вернетесь на Землю.

* * *

Чрезвычайно важно понять, в какой именно точке истории точного исследования космоса Малаки Констант услышал о предстоящих ему визитах на Марс, Меркурий, Землю и Титан. Отношение землян к космическим исследованиям сильно напоминало отношение жителей Европы к плаваниям через Атлантику – еще до того, как Колумб отправился в путь.

Однако можно отметить три существенных различия: чудовищные трудности, преграждавшие космическим исследованиям путь к цели, были не воображаемые, а неисчислимы, ужасные, разнообразные и все без исключения грозили катастрофой; стоимость даже самого скромного запуска способна была пустить по миру почти любую нацию; к тому же было досконально известно, что ни одна космическая экспедиция не принесет прибыли тем, кто вложит в нее деньги.

Короче говоря, все – от простого здравого смысла до глубочайших научных знаний – говорило не в пользу исследований космоса.

Давно миновало то время, когда одна нация старалась переплюнуть другую, запуская в бездонную пустоту разные тяжелые предметы. Кстати, «Галактическая Космоверфь» – корпорация, полностью подчиненная Малаки Константу, – получила самый последний заказ на изготовление такого рекламного чудища – ракеты высотой в три сотни футов и тридцати шести футов в диаметре. Ее даже построили, но «добро» на запуск так и не было дано.

Космический корабль называли просто «Кит», и он был рассчитан на пять пассажирских мест.

А все работы были так резко прекращены из-за открытия хроно-синкластических инфундибулумов. Открытие было сделано на основе математических расчетов причудливых траекторий кораблей, которые запускали, по-видимому, для предварительных испытаний, без экипажа.

Открытие хроно-синкластических инфундибулумов как бы сказало всему человечеству: «С чего это вы взяли, что вы куда-то доберетесь?»

Этой ситуацией воспользовались американские проповедники-фундаменталисты. Они раньше философов или историков, или кого бы то ни было извлекли смысл из этого усекновения Космической Эры. Не прошло и двух

часов после того, как запуск «Кита» был отложен на неопределенное время, а преподобный Бобби Дентон уже разглагольствовал перед своими Крестоносцами Любви в Уилинге, Западная Виргиния:

– И сошел Господь посмотреть город и башню, которые строили сыны человеческие. И сказал Господь: вот один народ, и один у всех язык; и вот что начали они делать, и не отстанут они от того, что задумали сделать; сойдем же и смешаем там язык их, так чтобы ни один не понимал речи другого. И рассеял их Господь оттуда по всей земле; и они перестали строить город. Посему дано ему имя: Вавилон, ибо там смешал Господь язык всей земли и оттуда рассеял их Господь по всей земле.

Бобби Дентон нанизал всех своих слушателей, как на вертел, на свой пронзительный, горячий и полный любви взгляд и принялся поджаривать их целиком над раскаленными угольями их собственных прегрешений.

– Не настало ли время, реченное в Библии? – вещал он. – Разве мы не воздвигли башню из стали, гордыни и всякой мерзости превыше древней Вавилонской башни? И разве мы не стремились, как те древние строители, добраться до самого Неба? Разве мы не слышали собственными ушами, как язык ученых называют интернациональным языком? Все они дают вещам одинаковые греческие и латинские клички, и все они переговариваются на языке математики.

Судя по всему, это было самое страшное свидетельство обвинения для самого Дентона, а Крестоносцы Любви смиренно согласились с ним, не особенно вникнув в суть дела.

– Так что же мы вопием в ужасе и унынии ныне, когда Господь говорит нам, как строителям Вавилонской башни: «Стойте! Разойдитесь! По этой штуке вы ни на небо, ни куда бы то ни было не взмоститесь! Рассейтесь, повелеваю вам! Перестаньте говорить друг с другом на ученом языке! Не отстанете вы ни от чего, что задумаете сделать, а мне это ни к чему! Я, ваш Господь Вседержитель, ХОЧУ, чтобы вы отстали от многого, чтобы вы перестали помышлять о дурацких ракетах и башнях до самого Неба, а задумались бы о том, как стать лучше, как стать хорошими мужьями, женами, дочерьми и сыновьями! Не ищите спасения в ракетах – ищите его в ваших домах и храмах!»

Голос Бобби Дентона зазвучал хрипло и приглушенно.

– Хотите летать в космосе? Господь даровал вам самый чудесный космический корабль во Вселенной! Да! Скорость? Мечтаете о скорости? Данный вам Богом космический корабль несется со скоростью шестьдесят шесть тысяч миль в час – и будет вечно нестись с такой скоростью, если будет на то Божья воля. Вам нужен вместительный, комфортабельный космический корабль, со всеми удобствами? Он у вас есть! И на нем есть место не только для богатея с его псом, и не для пяти, и не для десятка пассажиров! Нет! Бог – не какой-нибудь крохобор! Он дал вам корабль, который может нести миллиарды мужчин, женщин и детей! Да! И им не надо пристегиваться ремнями к креслам или надевать на головы аквариумы для рыбок. Нет! На Божьем корабле это ни к чему. Пассажиры на космическом корабле Господа Бога могут плескаться в речке, гулять по солнышку, играть в бейсбол и кататься на коньках, и всей семьей выезжать на природу в собственной машине по воскресеньям после церкви, и подавать курицу на семейный стол!

Бобби Дентон кивнул.

– Да! – сказал он. – И если кто-нибудь считает, что Бог нас обездолил, создав в космосе препятствия, мешающие нам летать в небо, пусть тот вспомнит, какой космический корабль Господь уже даровал нам. И нам даже тратиться не надо на топливо для корабля и ломать голову, соображая, какое топливо лучше. Нет! Бог сам об этом позаботился.

И Бог сказал нам, что МЫ САМИ должны делать на этом чудесном космическом корабле. Он написал такие простые правила поведения, что любому понятно. Не надо быть физиком или великим химиком или Альбертом Эйнштейном, чтобы их понять. Нет! И этих правил совсем немного. Мне говорили, что перед стартом «Кита» необходимо проверить одиннадцать тысяч разных параметров, чтобы убедиться, что он готов к полету: закрыт ли тот клапан, открыт ли этот, натянута ли та проволока, заполнен ли этот бак – и так далее, пока не проверят все одиннадцать тысяч мелочей. А у нас, на космическом корабле Господа Бога, нужно проверить только десять пунктов – и не ради какого-то мелкого перелетика к отравленным каменным громадам, разбросанным в космосе, а ради путешествия в Царство Небесное! Подумайте только! Где бы вам хотелось быть завтра – на Марсе или в Царстве Небесном?

Вы знаете тот список, по которому проверяется готовность округлого зеленого космического корабля Господа Бога? Нужно ли мне напоминать вам его? Хотите услышать стартовый отсчет Господа Бога?

Крестоносцы Любви дружно закричали: «Хотим!»

- Десять! - провозгласил Бобби Дентон. - Желает ли ты дом своего ближнего, или слугу его, или служанку его, или вола его, или осла его, или что-либо, принадлежащее ближнему твоему?

- Нет! - закричали хором Крестоносцы Любви.

- Девять! - провозгласил Бобби Дентон. - Дает ли ты на ближнего своего свидетельство ложно?

- Нет! - крикнули Крестоносцы Любви.

- Восемь! - провозгласил Бобби Дентон. - Крадешь ли ты?

- Нет! - крикнули Крестоносцы Любви.

- Семь! - провозгласил Бобби Дентон. - Творишь ли ты прелюбодеяние?

- Нет! - крикнули Крестоносцы Любви.

- Шесть! - провозгласил Бобби Дентон. - Убиваешь ли ты?

- Нет! - крикнули Крестоносцы Любви.

- Пять! - провозгласил Бобби Дентон. - Почитаешь ли ты отца твоего и мать твою?

- Да! - крикнули Крестоносцы Любви.

- Четыре! - провозгласил Бобби Дентон. - Почитаешь ли ты день субботний и отдыхаешь ли ты от трудов?

- Да! - крикнули Крестоносцы Любви.

- Три! - провозгласил Бобби Дентон. - Поминаешь ли ты имя Господа твоего всуе?

- Нет! - крикнули Крестоносцы Любви.

- Два! - провозгласил Бобби Дентон. - Сотворил ли ты себе кумиров?

- Нет! - крикнули Крестоносцы Любви.

- Один! - провозгласил Бобби Дентон. - Почитаешь ли ты иных богов, кроме Господа истинного?

- Нет! - крикнули Крестоносцы Любви.

- Пуск! - во весь голос радостно возгласил Бобби Дентон. - Мы летим к тебе, Рай! Стартуйте, дети мои, и аминь!

- Что ж, - пробормотал Малаки Констант, сидя в похожей на трубу комнатухе под лестницей в Ньюпорте, - похоже, что гонец в конце концов понадобился.

- Это вы о чем? - спросил Румфорд.

- Мое имя - оно означает «надежный гонец», - сказал Констант. - Какое будет послание?

- Извините, - сказал Румфорд. - Я ничего не знаю ни о каком послании. - Он насмешливо наклонил голову набок. - А вам что, кто-нибудь говорил о послании?

Констант протянул к нему руки ладонями вверх.

- То есть как - зачем же мне тогда мучиться, добираться до этого Тритона?

- До Титана, - поправил его Румфорд.

- Титан, Тритон, - сказал Констант. - За каким бесом я потащусь в такую даль?

«Бес» было жалкое, девчонское, бойскаутское слово, непривычное для Константа. И он сразу понял, почему оно напросилось ему на язык. «Бес!» - так говорили космонавты в телевизионных сериях, когда метеорит сшибал у них панель управления или когда навигатор оказывался космическим пиратом с планеты Циркон. Он встал.

- За каким чертом я туда потащусь?

- Так надо - даю вам слово.

Констант подошел к окну, постепенно обретая прежнюю силу и самоуверенность.

- Я вам прямо говорю, - сказал он. - Я отказываюсь.

- Очень жаль, - сказал Румфорд.

- Я должен что-то сделать для вас, когда попаду туда?

- Нет, - сказал Румфорд.

- Тогда почему это вам «очень жаль»? - спросил Констант. - Вам-то какое дело?

- Никакого, - сказал Румфорд. - Это мне вас жаль. Вы многое потеряете.

- Например? - сказал Констант.

- Скажем - самый приятный климат во всей Вселенной, для начала, - сказал Румфорд.

- Климат! - презрительно бросил Констант. - У меня дома в Голливуде, в Кашмирской долине, в Акапулько, в Манитобе, на Таити, в Париже, на

Бермудских островах, в Риме, Нью-Йорке и Кейптауне, и я еще должен куда-то лететь в поисках более приятного климата?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Неведомая земля (лат.). – Здесь и далее примеч. пер.

2

Имеются в виду скелеты животных (эндоскелеты) и раковины моллюсков и наружные «панцири» членистоногих (экзоскелеты).

3

Хитоны – небольшие съедобные моллюски с панцирем из восьми налегающих друг на друга пластин.

Купить: https://telnovel.com/ru/vonnegut_kurt/sireny-titana

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)